



А. М. КУЛИШЕР

Без наследника

На ранних ступенях государственного развития смерть или иное исчезновение властителя разрушала самый государственный порядок. Идея власти и поддерживаемого ею общественного мира соединялась с данной личностью. С ее устранением государство распадалось на свои составные элементы, и начинался период междоусобиц, пока одному из претендентов не удавалось занять престол. И «судья над землею был снова». Некоторые пережитки этих явлений сохраняются и до довольно позднего времени, — иногда и в государственном праве: в виде своеобразного института узаконенной анархии, наступавшей в периоды смены главы государства, — напр., в Польше во время «безкоролевья», — и еще более в общественной психологии. Период между смертью или отречением монарха и коронацией преемника, период «открытого наследия», является как бы обязательно беспокойным временем, когда наступает «шатание» государства. Для устранения этих явлений прибегают к различным уловкам и фикциям. Государственные акты совершаются при мнимом участии больного или умершего монарха, самый факт смерти или болезни скрывается до поры до времени и т. п. Отсюда странные обряды, совершавшиеся во Франции еще в XVII веке, после смерти Генриха IV; мертвый монарх восседает на престоле, перед ним ставятся кушанья и кладутся бумаги и т. д. Наконец, победа наследственной монархии приводит к установлению правила о том, что преемник вступает на престол в самый момент смерти предшественника: «Le roi est mort, vive le roi!»¹. Идея власти переносится с лица на династию. И все-таки старая психология долго держится. Опасения «превратных толкований» вследствие известия о болезни или предстоящей кончине монарха заставляют скрывать эти обстоятельства и вызывают тревожное настроение. Наконец идея власти переходит на безличное понятие государства или нации.

Советская республика и в этом отношении показывает явления резкого возврата к примитивным формам государственности. В психологии населения и даже самих советских деятелей идея власти никогда не соединялась ни с фиктивно-выборными советами, ни с еще более фиктивным «пролетариатом». Рабоче-крестьянской республики никогда не было ни на деле, ни психологически. На деле была власть кремлевской олигархии, до известной степени зависимой от настроений всей «коммунистической» шляхты. Но эта олигархия скрывала свое существование и не была юридически оформлена. В представлении населения советская власть была властью одного лица или двух лиц, но с явным преобладанием в пользу одного из них: это была власть Ленина или Ленина и Троцкого, — но обязательно Ленина на первом месте. Тут дело не в степени реального влияния Ленина, а именно в этой психологии: советская власть без Ленина вовсе не та же власть; и еще вопрос, власть ли это вообще. Это отлично понимают на советских верхах.

Неудивительно, что во время первого припадка Ленина применялись все освященные придворной практикой приемы скрывания, преуменьшения болезни, фиктивного участия больного в управлении и т. д. И если в настоящее время произойдет совершенное устранение Ленина из состава советского правительства, то это не может не привести к жестокому кризису всего советского государства.

Не может быть и речи о том, чтобы положение, занимавшееся Лениным, могло быть занято кем-либо другим. Это положение определялось не только и даже не столько конкретными заслугами Ленина как вождя октябрьской революции. Оно вытекало из органических свойств советского государства, с одной стороны, и данной личности — с другой. Советское государство есть двуликий Янус: примитивная организация военного деспотизма и разбоя соединена с показным служением утопическому идеалу. Этот идеал есть ложь, если рассматривать его с точки зрения реальной деятельности власти. Но он не был ложью, — по крайней мере, не чистой ложью, если рассматривать его как чистую религию, освящающую и оправдывающую эту деятельность. «Человек действует по естественно-историческим законам, а затем он рассуждает по-человечески» (Гумплович). И всякой зоологии нужна оправдывающая ее идеология, играющая важную роль, как организующее начало. Эта идеология была почти целиком личным созданием Ленина. Если отнять Ленина от большевизма, то останется просто порожденная известными историческими условиями уголовщина, сама по себе едва ли способная создать партию и госу-

дарственную организацию. Он был пророком веры в предстоящее чудесное преображение мира, предсказанное в священном писании Маркса и Энгельса, — веры и близкое наступление неслыханной и неопишуемой гармонии, как только будет побежден князь мира сего: капитализм и еретики: социал-предатели.

Этому служит воинствующая церковь — коммунистическая партия, и понятно, что интересы этой партии — высший закон и что ради близкого и вечного блаженства человечества стоит разорвать и истязать Россию. Ленин мог быть первосвященником этого чудовищного изуверства, ибо в нем самом жила и чувствовалась безусловно-искренняя, фанатичная вера, — хотя для поддержания ее пред лицом фактов и собственных действий, продиктованных повелительными требованиями минуты, ему приходилось непрерывно прибегать к софизмам, изобретаемым для себя еще более, чем для других. Как Робеспьер, и он — *l'incorruptible*².

Пусть советский правящий класс представлял собою разбойничий вертеп. Но ни одно грязное подозрение не проникало на верхушку власти: там стоял суровый и чистый жрец, искренно и горячо молившийся тому богу, которому приносились кровавые гекатомбы. Это моральное обаяние служило некоторым противовесом ненависти и презрению, вызывавшимся теми представителями советской власти, с которыми населению приходилось непосредственно сталкиваться. Все-таки они были только бесчестными слугами власти, а сама по себе это была власть не их, а Ленина. Но его моральный авторитет имел большое значение и для самих советских деятелей. На службе Ленину они могли обделывать свои делишки, — но все-таки они служили Ленину, т. е. чему-то высшему — идее, им олицетворяемой. И в раболепном преклонении перед ним, в лакейском прислуживании ему люди типа Зиновьева находили какое-то моральное удовлетворение. Его безусловное первенство смягчало все аппетиты, умеряло все честолюбия. Как бы ни обострялась борьба разных групп в среде коммунистической партии, — но в конце концов всегда на конференции принималась резолюция Ленина. Ибо в поддержке идейного фанатика заключался общий интерес пошедшей за ним разбойничьей орды, и во главе с ним она стала организованным и послушным правительственным аппаратом.

Попробует ли второй член действительного или мнимого дуумвирата занять опустевшее место — легальным или бонапартистским путем, — пользуясь своим положением, как главы армии? Если бы это случилось, то настал бы немедленный конец советской республики. Вместо власти учителя и вождя была бы власть беспринципного честолюбивого авантюриста, мыслимая лишь, как

откровенная военная диктатура. И вопрос об «обезврежении» Троцкого не может сейчас не волновать советские верхи. Как бы то ни было, с личностью Ленина уходит идейное и объединяющее начало, — именно в тот момент, когда, благодаря объективным условиям, окончательно рушится единство интересов в среде правящей партии. Нет бесспорного наследника. Начнется расхищение наследства.

